

УДК 902.01
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-216-228

Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды

Т. Ю. Клементьева^{1,2}, А. А. Погодин²

¹ *Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

² *АВ КОМ-Наследие
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Неолитические памятники в бассейне р. Конды открыты во второй половине XX в. За последние 40 лет исследованы десятки землянок и полуземлянок, наземные постройки и очажные конструкции, могильники. Культурные типы памятников обосновывались по керамике, привлекались результаты радиоуглеродного датирования. Важной составляющей при разработке периодизации неолита стали многослойные стратифицированные объекты. Таким памятником является поселение Мулымья-3, на котором выявлены постройки раннего неолита (второй трети VII тыс. до н. э.). Керамика, представленная плоскодонной посудой с валиками и накольчатой орнаментацией, атрибутирована как «мулымьинский тип». По прошествии 500–1 000 лет на руинах раннего поселка были возведены строения, в которых залегала посуда шоушминского и (или) сумпаньинского типов, бытовавшая в VI тыс. до н. э. Котлованы этих построек прорезали ранние сооружения. Определенные аналогии с плоскодонной посудой с поселения Мулымья-3 имеются в материалах раннего неолита Северного Зауралья и Западной Сибири (бассейн р. Казыма, Барабинская лесостепь).

Ключевые слова

Север Западной Сибири, бассейн Конды, неолит, хронология, периодизация, плоскодонная керамика, мулымьинский тип

Для цитирования

Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 216–228. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-216-228

Stratification of Neolithic Ceramic Complexes in the Konda River Basin

T. Yu. Klementieva^{1,2}, A. A. Pogodin²

¹ *Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS
Ekaterinburg, Russian Federation*

² *SAC “AV COM-HERITAGE Ltd”
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

Purpose. Over the past 40 years, dozens of pit-houses, semi-dugouts, above-ground huts, hearth-like structures, and burial grounds have been investigated on the territory of the Konda River basin. Classification of cultural artifacts is based on stylistic attributes and distinctions of ceramics, while chronology rests on conventional ¹⁴C dating. At the

© Т. Ю. Клементьева, А. А. Погодин, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography

present stage, one of the most important tasks is to develop the chronology and periodization of the Neolithic sites located in the Konda River basin. The starting point in the solution of this problem should be the multilayer stratified habitation sites. This paper presents the results of the investigation of Mulymya-3 settlement, which is one of such sites.

Results. In 2019, early Neolithic stratified complexes were studied in Mulymya-3 settlement. The excavations of the early buildings revealed that among the predominant artifacts of flat-bottomed dishes, there also were layers of Shoushma and Sumpanya type pottery. The stroke-ornamented ware, i. e. flat-bottomed ceramic dishes with collars and rims, were classified as "Mulymya type pottery". ¹⁴C dating of the soot from a flat-bottomed vessel suggested that the site was more or less continuously occupied between 6 690–6 500 cal. BC.

Conclusion: The artifacts from Mulymya-3 settlement made it possible to shift the lower boundary of the Neolithic age in the Konda River basin to earlier dates. A typical feature of the earliest period (6 600 / 6 500 – 3 600 / 3 400 cal. BC) is Mulymya, Shoushma, and Umytinsky type pottery characterized by original traditions of ceramic production. The appearance of pottery in the second third of the 7th millennium BC did not affect the traditional economy of taiga societies. The stone-working technique was based on fracturing technologies (percussion flaking, pressure flaking, chipping, splintering), abrasive processing, and battering. In the 6th millennium BC, the people belonging to Shoushma and Umytinsky cultures started contacting with each other, which can be proved by dishes of both types found in the excavated pit-dwelling in similar stratigraphic conditions. Another proof is the appearance of mixed-looking pottery, in particular dishes of the Sumpanya type. From the end of the 6th millennium, the Shoushma pottery traditions were gradually degrading. From that time and until the turn of the 5th–4th millennia BC the Konda River basin was inhabited by the Umytinsky population. It is probable that those were the people who continued the tradition of making flat-bottomed dishes (Satyginsky / Boborykinsky type pottery).

Keywords

North of Western Siberia, Konda Basin, Neolithic, chronology, periodization, flat-bottomed ceramics, Mulymya type pottery

For citation

Klementieva T. Yu., Pogodin A. A. Stratification of Neolithic Ceramic Complexes in the Konda River Basin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 216–228. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-216-228

Введение

Бассейн р. Конды занимает юг Северо-Сосьвинской возвышенности и Кондинскую низменность в юго-западной части севера Западной Сибири. На этой площади выявлено более 300 неолитических памятников, раскопками изучены 38 поселений. В период с 1978 по 2019 г. исследовано не менее 50 сооружений типа землянок и полуземлянок, наземные постройки и очажные конструкции, 5 могильников [Косинская, 2006. С. 20–21; Клементьева и др., 2012; Клементьева, Погодин, 2020. С. 133. Рис. 1]. Культурные типы керамики – сумпаньинский, сатыгинский, боборыкинский, кошкинский, немнелский, чилимкинский, выделялись по точечным раскопкам, а культурно-генетические схемы были неразрывно связаны с неолитом Зауралья [Ковалева, 1989. С. 17–25, 53; Глушков, Соболенникова, 1999; Ковалева, 2008; Ковалева, Зырянова, 2008]. Изучение поселений большими площадями дало новые, хорошо стратифицированные жилищные комплексы, по которым выделены шоушминский и умытский типы памятников [Клементьева, Погодин, 2017а; Клементьева, Труфанов, 2019]. Ежегодное пополнение источников корректирует наши знания о древних таежных обществах. Цель настоящей публикации – ввод в научный оборот материалов изучения поселения Мулымья-3 с представлением хроностратиграфической шкалы неолита бассейна Конды.

Керамические комплексы поселения Мулымья-3

Поселение Мулымья-3 расположено в 53,8 км к северо-северо-западу от г. Урай, в 45 км к северо-северо-востоку от устья р. Мулымья в Кондинском районе ХМАО – Югры (рис. 1, 1). Выявлено в 2005 г., а в 2019 г. нашим раскопом площадью 4 049 кв. м исследована его восточная часть. Изучены стратифицированные комплексы раннего неолита в хронологическом

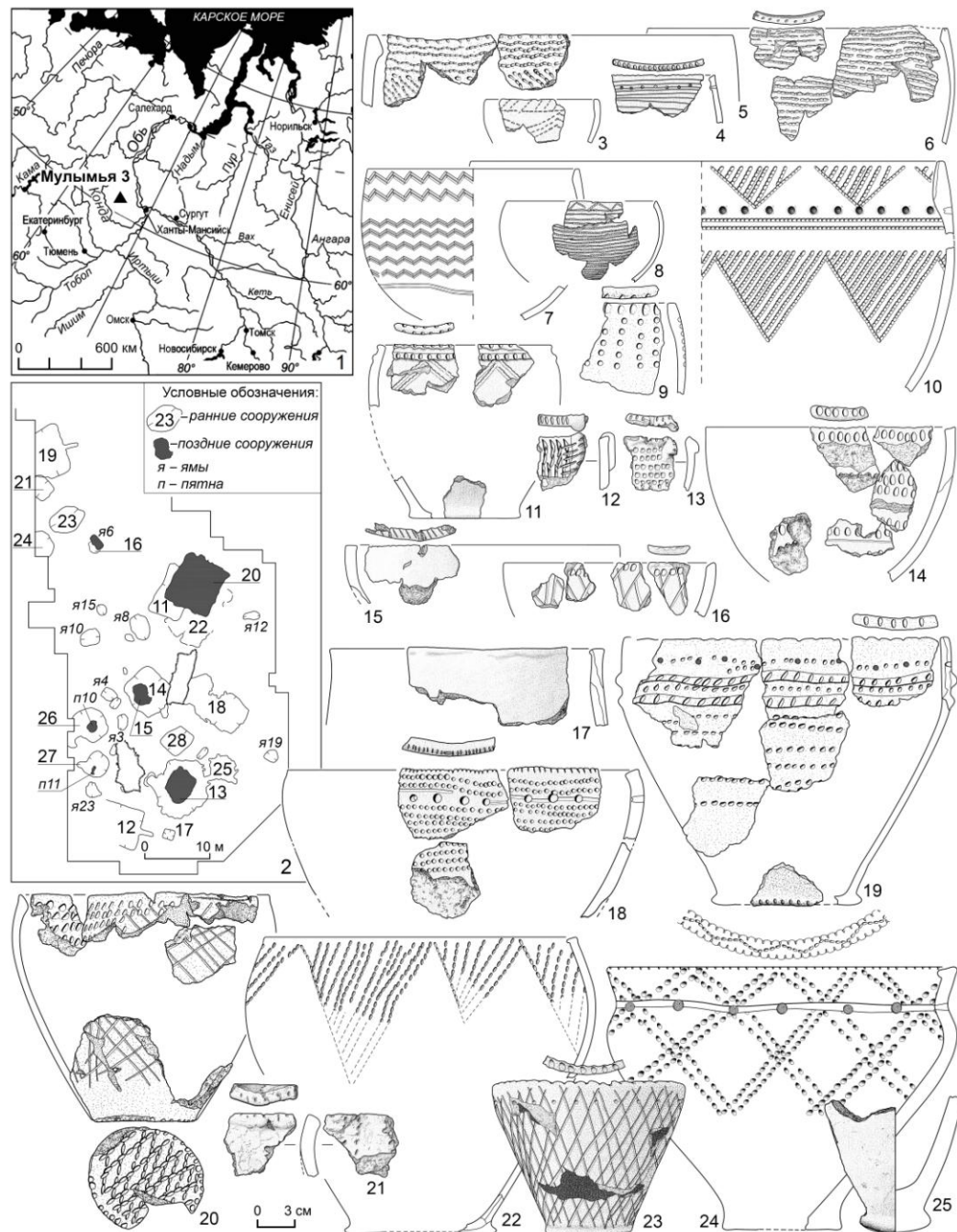

Рис. 1. Карта-схема расположения поселения Мульмыя-3 (1), схема раскопа (2) и керамика (3–25) (5, 6 – из сооружения № 13; 3, 8, 9 – из сооружения № 15; 7, 10 – из сооружения № 20; 11, 14, 15, 17, 18, 22, 24, 25 – из сооружения № 25; 13 – из сооружения № 18; 19, 23 – из сооружения № 14; 21 – из сооружения № 12; 16, 20 – из ямы № 10; 11 – с площади раскопа; 5, 6 – шоушминский тип; 3, 4, 7–10 – сумпаньинский тип; 11–25 – мульмынский тип)

Fig. 1. Map-diagram of Mulymya-3 settlement (1), the excavation site layout (2) and ceramics (3) (5, 6 – from pit-house no. 13; 3, 8, 9 – from pit-house no. 15; 7, 10 – from pit-houses no. 20; 11, 14, 15, 17, 18, 22, 24, 25 – from pit-house no. 25; 13 – from pit-house no. 18; 19, 23 – from pit-houses no. 14; 21 – from pit-house no. 12; 16, 20 – from pit no. 10; 11 – from excavation; 5, 6 – Shoushma type pottery; 3, 4, 7–10 – Sumpanya type pottery; 11–25 – Mulymya type pottery)

интервале от второй трети VII тыс. до конца VI тыс. до н. э. Территория памятника заселялась неоднократно. На руинах раннего неолитического поселка по прошествии 500–1 000 лет неолитическим населением были возведены новые строения. Котлованы пяти ранних неолитических построек, в вещевом комплексе которых присутствовала плоскодонная посуда, были прорезаны котлованами сооружений с округлодонной посудой шоушминского и/или сумпаньинского типа (рис. 1).

Ранний неолитический поселок занимал юго-восточную, огибаемую руслом ныне заболоченного водотока оконечность гривы. Здесь обнаружено более 45 объектов, в их числе 3 двухкамерных и 9 однокамерных полуземлянок с глубиной котлованов 0,7–1,2 м, а также 4 прямоугольных наземных постройки. Площадь двухкамерных строений 50–80 кв. м, однокамерных – 30–50 кв. м, наземных – 8–12 кв. м (рис. 1, 2). Вскрыты две большие ямы (7,5 и 12 кв. м) и не менее 20 малых ям. Заполнение котлованов построек и ям насыщено углем; охра в подсыпке пола не применялась.

Каменная индустрия основана на обломках горных пород (от галек до валунов) разной степени окатанности. Использовались кварц, кремень, яшма, халцедон, сердолик, горный хрусталь, кремненый сланец, кварцит, кварцитопесчаник, гнейс, опока, лимонит и пр. Исходные отдельности расщеплялись контрударным и призматическим (ударным и отжимным) способами. Орудиями являлись пластины с краевой ретушью, скребки и острия на отщепках и пластинах, ретушированные черешковые наконечники стрел на пластинах. Абразивной техникой сделаны шлифованные ножи и тесла. Среди остатков млекопитающих определены лось, северный олень, собака, волк, лисица, соболь, белка, выдра, бобр; из рыб – щука¹.

Керамический комплекс раннего поселка представлен 111 сосудами (рис. 1, 11–25; 2, 33–39), большая часть которых (73 %) происходила из жилищных комплексов. Одновременность строений № 12, 14, 18, 22, 25 и ям № 1, 3, 4, 8–10 определена по находкам черепков от одной емкости в разных котлованах или ямах. Нагар с плоскодонного сосуда, который обнаружен скоплением в яме № 10, а фрагменты венчика – в сооружении № 25 (рис. 1, 16), был опрарвлен на радиоуглеродное датирование²; результаты анализа 7770 ± 40 ВР (IAAA-190398), 7800 ± 30 ВР (IAAA-190399) показывают вероятное функционирование раннего поселка в интервале 6 689–6 496 л. до н. э.³

Посуда изготовлена из ожелезненной глины (в разной степени насыщенной песком) или из обогащенной органикой илистой глины⁴. Доминирующими добавками в формовочной массе являлись шамот и органический раствор. Конструирование начиналось со дна и выполнялось из лоскутов, которые бессистемно накладывались в 2–3 слоя. Об использовании формы-модели, как одном из способов конструирования, свидетельствуют характерные оттиски на внешней стороне небольшого (0,6 л) сосуда (рис. 2, 38). Поверхности емкостей тщательно заглажены шпателями и пальцами. Наружное окрашивание охрой отмечено на 20 % сосудов. Обжигалась посуда в костре в неустойчивой окислительной среде.

Сосуды плоскодонные, баночной формы (70 %) или с выделенной шейкой (30 %). Венчики с плоским срезом (81 %), некоторые утолщены, имеют Т- или Г-образный профиль (21 %). Переход стенок к плоскому дну маркирован придонным валиком. Диаметры устья укладываются в интервал от 7 до 38 см; 64 % емкостей средних размеров с диаметром устья 12–26 см. Толщина стенок – от 0,5 до 1,3 см ($\bar{A} = 0,76$ см), диаметры днищ – от 5,2 до 14 см ($\bar{A} = 9,3$ см), коэффициент соотношения диаметров устья и дна – от 1,6 до 2,9 ($\bar{A} = 2$).

¹ Определение остеологического материала выполнено заведующим лабораторией исторической экологии ИЭРиЖ УрО РАН, канд. биол. наук П. А. Косинцевым.

² Радиоуглеродный анализ проведен Yoshitaka Kanomata (Tohoku University, Japan), Mizuki Matsuda, Ryosuke Hayase, Keiichi Ohara (Institute of Accelerator Analysis Ltd., Japan).

³ Калибровка проведена в программе OxCal v4.3.2 Bronk Ramsey (2017); r: 5; IntCal 13 atmospheric curve, здесь и далее указаны калиброванные значения по sigma 2.

⁴ Техничко-технологический анализ керамики раннего комплекса поселения Мулымья-3 выполнен научным сотрудником ИИиА УрО РАН Е. Н. Дубовцевой.

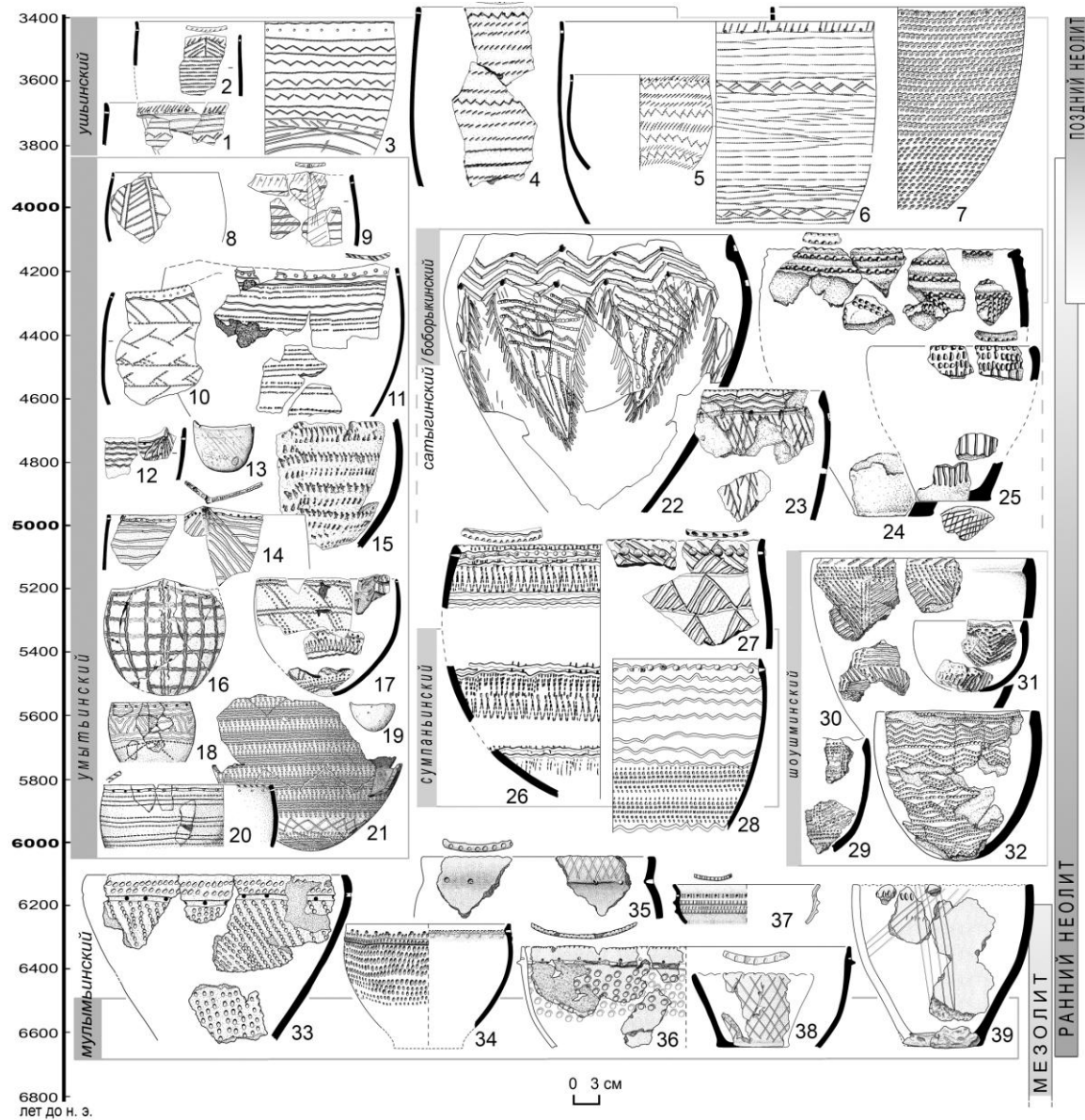

Рис. 2. Схема периодизации и типы керамики неолита р. Конды:

1–7 – ушьинский тип, 8–21 – умытъянский тип, 22–25 – сатыгинский / боборыкинский тип, 26–28 – сумпаньянский тип, 29–32 – шоушминский тип, 33–39 – мулымьянский тип (1, 3–5, 18–20, 23, 29, 30 – Большая Умытъя-8; 16, 22 – Большая Умытъя-2; 2, 6, 7, 13, 15 – Большая Умытъя-100; 8–11 – Большая Умытъя-109; 12, 14 – Большая Умытъя-57; 17, 21 – Большая Умытъя-9; 24–28 – Сумпанья IV; 29, 32 – Шоушма-10; 31 – Леуши VII; 33–39 – Мулымья-3; 33, 39 – из сооружения № 25; 34, 37 – из сооружения № 18; 35 – из сооружения № 14; 36, 37 – из ямы № 8; 38 – из сооружения № 21)

Fig. 2. Diagram of periodic classification and types of the Neolithic ceramics found in the Konda River basin:

1–7 – Ushinsky type; 8–21 – Umytynsky type; 22–25 – Satygin / Boborykin type; 26–28 – Sumpanya type; 29–32 – Shoushma type; 33–39 – Mulymya type (1, 3–5, 18–20, 23, 29, 30 – Bolshaya Umytia-8; 16, 22 – Bolshaya Umytia-2; 2, 6, 7, 13, 15 – Bolshaya Umytia-100; 8–11 – Bolshaya Umytia-109; 12, 14 – Bolshaya Umytia-57; 17, 21 – Bolshaya Umytia-9; 24–28 – Sumpanya IV; 29, 32 – Shoushma-10; 31 – Leushi VII; 33–39 – Mulymya-3; 33, 39 – from pit-house no. 25; 34, 37 – from pit-house no. 18; 35 – from pit-house no. 14; 36, 37 – from pit-house no. 8; 38 – from pit-house no. 21)

Скульптурный декор выполнен в виде валиков и налепов на венчиках. Валиками украшены 17 сосудов (рис. 1, 11, 12, 19; 2, 34, 36, 37), налепами – 3 (рис. 1, 13). Валики расположены, как правило, в верхней части тулова, параллельно краю, в один, реже в два ряда. В одном случае валик примыкает к краю емкости под прямым углом (рис. 1, 12), в двух – валики размещены внутри емкости. Валики налепные, из жгутов, наложенных на технологические желобки. Налепы расположены по срезу или внешнему краю венчика в местах локальной деформации устья. Единично зафиксирован вытяжной валик (рис. 2, 34).

Глубокие ямки или отверстия нанесены у 32 % сосудов с внешней стороны под венчиком. Иногда ямки помещены в широком прочерченном желобке (рис. 1, 18, 24; 2, 33), на сосудах с валиками они сделаны между краем емкости и валиком (рис. 1, 19; 2, 34, 36), а с выделенной шейкой – в прогибе шейки (рис. 1, 24; 2, 35).

Орнамент выполнен в технике накальвания (72 %), прочерчивания (9 %) и отступания (3 %). Отмечено комбинирование, когда наряду с наколами нанесены прочерченные или отступающе-накольчатые элементы (16 %). Особенность комплекса – высокая доля посуды (27 %) с неорнаментированной внешней поверхностью (рис. 1, 15, 17, 21; 2, 35). Композиции на тулове монотонные и с геометрическими мотивами. Для монотонных композиций, состоящих из горизонтальных или диагональных линий, характерна высокая плотность заполнения орнаментального поля (рис. 1, 14, 18; 2, 33, 34). Геометрические мотивы представлены крупными треугольными фигурами, обращенными вершинами вниз, широким горизонтальным зигзагом, ромбической сеткой (рис. 1, 11, 16, 20, 22–24; 2, 38). Внешняя сторона 30 % дниц покрыта орнаментом из параллельных прямых линий, ромбической сетки или ряда наколов по периметру.

Плоскодонная посуда поселения Мулымья-3 и керамика сатыгинского типа (рис. 2, 24, 25), выделенная Л. П. Хлобыстиным на многослойных стоянках Сумпанья II, IV и VI⁵ [1993. С. 30–33] достаточно близки по морфологии (плоские днища с наплывами, валики, рассеченные наколами, Т- и Г-образный профиль венчика), орнаментации (преобладание накольчатой техники, высокая доля неорнаментированных емкостей), а также метрическим показателям (средняя толщина стенок 0,76 см, коэффициент соотношения диаметра и толщины стенок 29,38 и 29,45 соответственно). Комплекс Мулымья-3 обладает оригинальностью по отношению к посуде с р. Сумпанья – профилированные емкости, поясок ямок / отверстий, прочерченные желобки, заполнение тулова ромбической сеткой.

Обилие общих признаков, по-видимому, является отражением одной культурной традиции. Однако дефиниция «сатыгинский тип» из-за ее неоднозначной культурно-хронологической позиции не подходит для атрибуции плоскодонной керамики поселения Мулымья-3. Правомерность выделения сатыгинского типа оспаривается В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой. Плоскодонная керамика поселений Сумпанья IV и VI, а также Геологического XVI (раскоп 4) рассматривается ими в составе боборыкинской культуры позднего неолита [Ковалева, Зырянова, 2008. С. 144]. На сумпаньинских поселениях она обнаружена в слоях, перекрывавших постройки VI тыс. до н. э., с керамикой сумпаньинского типа (рис. 2, 26–28) [Хлобыстин, 1993. С. 30, 32–33]⁶. Даты по фрагменту сосуда сатыгинского типа с поселения Сумпанья IV – 5468 ± 100 ВР (SPb-2542) (рис. 2, 24), из неолитического сооружения поселения Геологическое XVI (раскоп 4) по углю – 5440 ± 60 ВР (Ле-6995) [Кокшаров, Зырянова, 2010. С. 197], определяют вероятность события в интервале 4446–4046 л. до н. э.

Предположение о раннем возрасте плоскодонной посуды с р. Сумпанья, высказанное Л. Л. Косинской [2001. С. 73], принято исследователями, и определение «сатыгинский тип» закрепилось в атрибуции неолитических комплексов Северного Зауралья – поселения Нижнее Озеро III и Усть-Вагильского Холма [Чаиркина, Дубовцева, 2016. С. 26–27; Панина, 2008. С. 142; Панина, 2014. С. 330].

⁵ АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10432. С. 6–7.

⁶ Там же. С. 7.

По нашему мнению, вокруг дефиниции «сатыгинский тип» сложилась методологически проблемная ситуация и ее решение неопределенно по времени. Понимание значимости комплексов раннего поселка Мулымья-3 в контексте изучения начальной фазы неолита р. Конды и севера Западной Сибири дает основание называть их *мулымьинским типом памятников*.

Второй хронологический этап застройки на поселении Мулымья-3 также относится к раннему неолиту. Сооружения № 13, 15 и 20, а также пятна № 10 и 11⁷, находились в котлованах ранних построек № 25, 14, 22, 11, 26 и 27 (рис. 1, 2). На руинах ранних сооружений горизонты подзолисто-железистой почвы были восстановлены и являются стратиграфическим маркером ранних и поздних по отношению к ним неолитических котлованов, своего рода погребенными почвами.

Сооружения однокамерные, их форма прямоугольная. Площадь сооружения № 13 не менее 18 кв. м, сооружения № 20 не менее 56 кв. м. Охрой «засыпаны» полы построек и пески обваловки вокруг них. Приоритетным способом расщепления камня являлся контрудар. Широко применялась абразивная обработка. Инструменты для изготовления орудий и переработки продуктов охоты, рыболовства и собирательства – такие же, как и в предшествующее время. Новыми можно считать керамические бруски, обнаруженные в сооружении № 20.

Синхронность сооружения № 13, ямы № 27 и пятен № 10 и 11 подтверждается залеганием в них фрагментов одних и тех же сосудов. Керамика представлена 11 сосудами шоушминского типа (рис. 1, 5, 6) и 7 емкостями сумпаньинского типа. Сосуды изготовлены из глины с примесью шамота. Поверхности тщательно заглажены, в двух случаях окрашены охрой. Форма емкостей – округлодонные банки с прикрытым устьем. Венчики с плоскими срезами изнутри утолщены. На сосудах шоушминского типа утолщения более массивные, венчики трапециевидные в профиле. Средние значения толщины стенок сумпаньинских сосудов 0,52 см, шоушминских 0,69 см. Для орнамента посуды шоушминского типа характерно преобладание отступающе-накольчатой техники, сплошное и плотное заполнение орнаментального поля, монотонные или горизонтально-зональные композиции из прямых / волнистых линий и рядов наколов. Сосуды сумпаньинского типа декорированы в прочерченной, отступающе-накольчатой, печатно- и шагающе-гребенчатой техниках. На двух сосудах шагающе-гребенчатые мотивы перекрыты прочерченными. Композиции состоят из горизонтального зигзага, поясов шагающей гребенки, косо заштрихованных треугольных фигур и цепочек из ромбов.

Комплексы сооружений № 15 и 20 включают 40 сосудов (9 и 31 соответственно). Типологически они близки, но их синхронность не подтверждена аппликативно. Посуда изготовлена ленточным способом из глины с добавлением шамота. Заглаженные поверхности иногда уплотнены до блеска и/или окрашены охрой (40%). Емкости округлодонные с закрытым устьем. Венчики с горизонтальным плоским срезом, с плавными внутренними утолщениями либо равные по толщине стенкам. Край двух сосудов из сооружения № 20 снабжен плавными выступами – «ушками», приуроченными к локальной деформации устья. Средняя толщина стенок сосудов из сооружения № 15 составляет 0,47 см, из сооружения № 20 – 0,62 см. Орнаментации присуще разнообразие техник: прочерчивание, накалывание, отступление, штампование гребенчатым штампом. На сосудах из сооружения № 20 прочерченные узоры (45%) выполнены инструментами с закругленным либо двузубым рабочим краем. Декор из оттисков шагающей гребенки и веревочного штампа единичен. Орнамент наносился на всю внешнюю поверхность, включая дно, либо только по верхнюю часть тулова. В композициях преобладают монотонные схемы из прямых, волнистых или зигзагообразных линий (рис. 1, 4, 7–9). Геометрические мотивы представлены косо заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз, взаимопроникающими треугольными зонами, цепочками из ромбов (рис. 1, 3, 10).

⁷ По-видимому, пятна № 10 и 11 – это остатки очажных конструкций внутри сооружений, впущенных в ранние котлованы, но, к сожалению, уничтоженных при грейдировании грунтовой дороги.

Подобная посуда известна в комплексах раннего неолита р. Конды. Это памятники Шоушма-10, Усть-Тетер-1, Большая Умытья-8, Леуши VII и Сумпанья IV [Клементьева и др., 2012. С. 518–520; Ковалева и др., 1984. С. 34]. Их материалы датируются в пределах VI тыс. до н. э.

Заключение

Открытие и изучение многослойного стратифицированного поселения Мулымья-3 с оригинальной неолитической посудой скорректировало хронологический диапазон новокаменного века в бассейне Конды – 6 600 / 6 500 – 3 600 / 3 400 л. до н. э. Однако появление глиняной посуды в среде таежных охотников не изменило их традиционную систему хозяйства. Вероятно, в начале эпохи коллективы, ее изготавливавшие, и коллективы, условно, эпохи мезолита, например поселения Леуши XI (6 588–5 741 л. до н. э.), проживали близко друг к другу [Беспрозванный, 1997. С. 29, 35; Клементьева, Погодин, 2020. С. 134. Табл. 1]. Керамика с момента ее появления становилась социокультурной определяющей или своеобразным культурным трендом. Черты мезолитической эпохи в раннем неолите р. Конды проявились в строительстве двухкамерных землянок – такие постройки изучены на поселениях Мулымья-3, Шоушма-10 и Усть-Тетер-1. В индустрии камня применялись технологии расщепления (контрударная, ударная и отжимная), а также абразивная обработка, включая пиление и сверление, пикетаж. Погребения раннего неолита на могильнике Большая Умытья-100 (6 060–4 780 л. до н. э.) имели единую планировку с мезолитическими могилами (8 200–6 680 л. до н. э.) [Клементьева, Погодин, 2020. С. 131–132].

В раннем неолите Конды (6 600 / 6 500 – 4 300 / 4 000 л. до н. э.) выделено три типа памятников – мулымьинский, шоушминский и умытьинский [Клементьева, Погодин, 2017а; Клементьева, Труфанов, 2019. С. 21].

Мулымьинский тип представлен поселком Мулымья-3. Вероятно, именно с ним соотносятся в бассейне Конды такие памятники, как холмы-городища. В ходе разведочного изучения А. Е. Цеменковым в 2018 г. сгоревших конструкций поселения Супра-4, являющегося типичным «холмом», обнаружены плоскодонная посуда с накольчатой орнаментацией и в шурфе на площадке черешковый наконечник стрелы. Посуда мулымьинского типа плоскодонная, толстостенная, украшена валиками, накольчатым и прочерченным орнаментом. Подобная керамика найдена на 22 памятниках в бассейне Конды. Стратиграфия комплексов и радиоуглеродные даты показывают период производства толстостенной плоскодонной посуды со второй трети VII тыс. до второй половины V тыс. до н. э. Мулымьинская посуда бассейна Конды сопоставима с посудой сатыгинского типа Усть-Вагильского Холма и поселения Нижнее Озеро III в Северном Зауралье, с посудой амнинского типа из жилища № 9 городища Амня I в бассейне Казыма, с ранним неолитическим комплексом Тартас-1 в Барабинской лесостепи [Панина, 2008; Чаиркина, Дубовцева, 2016; Стефанов, Борзунов, 2008. С. 106–108; Молодин и др., 2018. С. 43, 45. Рис. 5].

Памятники шоушминского типа характеризуют, вероятно, десцентную группу, проживавшую в бассейне Конды с рубежа VII–VI тыс. до н. э. до третьей четверти VI тыс. до н. э. Охотниками возводились землянки с одним (Большая Умытья-8) или двумя (Шоушма-10, Усть-Тетер-1) котлованами. Погребение тел умерших (могильник Большая Умытья-100) осуществлялось с засыпкой их охрой и помещением в глубокие прямоугольные ямы вместе с орудиями и украшениями [Клементьева, Погодин, 2020. С. 135–136]. Индустрия камня базировалась на ударно-контрударном расщеплении, отжимной технике, пикетаже и абразивной обработке галечно-валунного сырья. Посуда шоушминского типа встречается на 25 памятниках. Это округлодонные толстостенные емкости с утолщенным краем, изготовленные жгутовым налепом из глины с добавлением шамота и органического раствора. Вся внешняя

поверхность сосудов декорирована стержнями и гребенчатыми штампами в техниках накалывания, отступания и прочерчивания (рис. 2, 29–32).

Время существования объектов умытгинского типа установлено в диапазоне с рубежа VII–VI тыс. до конца V тыс. до н. э. На поселениях Большая Умытъя № 9, 57, 109.1 и 109.2 изучены котлованы землянок и наземные комплексы на огражденной площадке. Котлованы глубокие (1,8–2,8 м), с песчаными уступами-плечиками. Техника обработки камня ударно-контрударная, призматическая и абразивная. Орудия представлены пластинами-вкладышами, скребками и остриями из отщепов, шлифованными наконечниками стрел, ножами, теслами и стругами, абразивами. Базовые черты посуды умытгинского типа – округлодонные тонкостенные емкости, изготовленные лоскутным или ленточным налепом на формах-моделях; наличие отверстий или ямок под венчиком; преобладание прочерченных мотивов в орнаментации, их сочетание с отступающими и шагающе-гребенчатыми мотивами (рис. 2, 8–21). Посуда умытгинского типа встречена на 120 памятниках.

В первой половине VI тыс. до н. э. носители шоушминской и умытгинской традиций контактировали. Это отражено в совместном залегании посуды обоих типов в котлованах жилищ в равных стратиграфических условиях на поселениях Шоушма-10 и Большая Умытъя-8 (рис. 2, 18–20, 29, 30) [Клементьева и др., 2012. С. 518. Рис. 6, В]. Вероятно, результатом этого стало появление посуды *сумпаньинского типа* на памятниках Сумпанья IV (рис. 2, 26–28), Леуши VII, Мулымья-3 (рис. 1, 3–10). Формы и параметры сосудов сумпаньинского типа близки с шоушминской посудой, а орнаментальный стиль – с умытгинской [Ковалева и др., 1984. С. 34. Рис. 3, 1–4]. В конце VI тыс. до н. э. шоушминские традиции гончарства угасли. С этого времени и до рубежа V–IV тыс. до н. э. на территории бассейна Конды поддерживались умытгинские традиции гончарства.

Период позднего неолита (4 300 / 4 000 – 3 600 / 3 400 л. до н. э.) характеризуется памятниками ушьянского типа [Клементьева, Погодин, 2017б. С. 43–46]. Со второй половины V тыс. до н. э. при сохранении в материальной культуре большинства черт, присущих ранненеолитической умытгинской традиции, происходила постепенная смена орнаментального стиля на печатно-гребенчатый (рис. 2, 1–7), в камнеобработке совершенствовалась абразивная техника, появились каменные и керамические гребенчатые орнаменты, наконечники кельтеминарского типа.

Список литературы

- Беспрозванный Е. М.** Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале: Сб. науч. ст. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 26–38.
- Глушков И. Г., Соболевникова Т. Н.** Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Материалы совещания. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 109–122.
- Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А.** Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. С. 499–526.
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А.** Ранний неолит бассейна р. Конды // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017а. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896>
- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А.** Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытъя 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири: Сб. науч. ст. Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017б. С. 20–49.

- Клементьева Т. Ю., Погодин А. А.** Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 131–141. DOI 10.24411/2309-4370-2020-11202
- Клементьева Т. Ю., Труфанов А. Я.** Культурно-хронологические комплексы эпохи неолита на поселении Большая Умытъя 109 // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 1 (44). С. 20–33.
- Ковалева В. Т.** Неолит Среднего Зауралья: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.
- Ковалева В. Т.** Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таежной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 123–133.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю.** К вопросу о сатыгинском типе керамики // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 135–145.
- Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.** Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. С. 32–44.
- Кокшаров С. Ф., Зырянова С. Ю.** Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 185–198.
- Косинская Л. Л.** Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 61–72.
- Косинская Л. Л.** Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск; Екатеринбург. Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 16–40.
- Молодин В. И., Райнхольд С., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С.** Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 39–56. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56
- Панина С. Н.** Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 137–146.
- Панина С. Н.** Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 330–333.
- Стефанов В. И., Борзунов В. А.** Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 93–111.
- Хлобыстин Л. П.** Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // AD POLUS. Археологические изыскания. СПб: Фарн, 1993. Вып. 10. С. 29–35.
- Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н.** Керамика сатыгинского типа поселения Нижнее озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 19–31.

Список источников

- АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10432. Хлобыстин Л. П. Отчет о работе Заполярной экспедиции в 1984 г. Л., 1985.

References

- Besprozvannyi E. M.** Mezolit taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri (predvaritel'nye itogi izucheniya) [Mesolithic of taiga zone of Western Siberia: (Preliminary results of investigation)]. In: Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale [Rescue Archaeological Inves-

- tigations in the Middle Ural]. Collection of scientific articles. Ekaterinburg, Bank of cultural information Publ., 1999, p. 26–38. (in Russ.)
- Chairkina N. M., Dubovtseva E. N.** Keramika satyginского типа poseleniya Nizhnee ozero III [Satygin-type ceramics of the settlement Nizhnee ozero III]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 2016, no. 1 (32), p. 19–31. (in Russ.)
- Glushkov I. G., Sobolnikova T. N.** Goncharye traditsii nizovii Kondy v epokhu neolita [Traditions of pottery-making of Neolithic population of Konda basin]. In: Problemy neolita – eneolita yuga Zapadnoi Sibiri. Materialy soveshchaniya [Problems of the Neolithic-Eneolithic of the South of Western Siberia. Meeting materials]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1999, p. 109–122. (in Russ.)
- Khlobystin L. P.** Satyginский тип керамики Zapadnoi Sibiri [Satygin-type pottery in Western Siberia]. In: AD POLUS. Arkheologicheskie izyskaniya [AD POLUS. Archaeological research]. St. Petersburg, Farn Publ., 1993, vol. 10, p. 29–35. (in Russ.)
- Klementieva T. Yu., Kruzement S. A., Pogodin A. A.** Poseleniya epokhi neolita na severe Zapadnoi Sibiri (bassein r. Kondy): polevye issledovaniya 2007–2011 gg. [The Neolithic settlements in the north of Western Siberia (the Konda river basin): Field studies of 2007–2011]. In: Pervobytnye drevnosti Evrazii: k 60-letiyu A. N. Sorokina [Primitive antiquities of Eurasia. To the 60th anniversary of A. N. Sorokin]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, p. 499–526. (in Russ.)
- Klementieva T. Yu., Pogodin A. A.** Pogrebal'naya praktika naseleniya basseina Kondy v mezolite i neolite [Burial practices of the population from the Konda river basin in the Mesolithic and Neolithic periods]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [*Samara Journal of Science*], 2020, vol. 9, no. 1 (30), p. 131–141. (in Russ.) DOI 10.24411/2309-4370-2020-11202
- Klementieva T. Yu., Pogodin A. A.** Rannii neolit basseina r. Kondy [Early Neolithic Age in the Konda river basin]. In: Derevyanko F. P., Tishkin A. A. (eds.). V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s'ezd [V (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul, Altay State Uni. Publ., 2017. (in Russ.) URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896> (accessed 30.04.2020).
- Klementieva T. Yu., Pogodin A. A.** Tekhnologiya ornamentatsii posudy pozdnego neolita poseleniya Bolshaya Umytia 100 [Technology of Late Neolithic pottery decoration in the settlement of Bolshaya Umytia 100]. In: Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoi Sibiri [Archaeology and History of North-West Siberia]. Collection scientific articles. Nefteyugansk, Ekaterinburg, Ural worker Publ., 2017, p. 20–49. (in Russ.)
- Klementieva T. Yu., Trufanov A. Ya.** Kul'turno-khronologicheskie komplekсы epokhi neolita na poselenii Bolshaya Umytia 109 [Neolithic cultural and chronological complexes of the Bolshaya Umytia 109 settlement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [*Perm University Herald. History*], 2019, vol. 1 (44), p. 20–33. (in Russ.)
- Koksharov S. F., Zyryanova S. Yu.** Neoliticheskie komplekсы poseleniya Geologicheskoe XVI [Neolithic complexes of Geologicheskoe XVI settlement]. In: Voprosy arkheologii Urala [Issues of archaeology of the Urals]. Ekaterinburg, Surgut, Magellan Publ., 2011, iss. 26, p. 185–198. (in Russ.)
- Kosinskaya L. L.** Keramicheskie komplekсы v neolite Zapadnoi Sibiri (taezhnaya zona) [Ceramic complexes in the Neolithic of Western Siberia (taiga zone)]. In: Problemy izucheniya neolita Zapadnoi Sibiri [Problems of studying the Neolithic Western Siberia]. Tyumen, IPDN SB RAS Publ., 2001, p. 61–72. (in Russ.)
- Kosinskaya L. L.** Neolit taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri [The Neolithic Age of the taiga zone in Western Siberia]. In: Arkheologicheskoe nasledie Yugry [Ugra Archaeological Heritage]. Plenary report of the 2nd Northern Archaeological Congress (Khanty-Mansiisk, Ekaterinburg, September 24–30, 2006). Khanty-Mansiisk, Charoid Publ., 2006, p. 16–40. (in Russ.)
- Kovaleva V. T.** Neolit Srednego Zaural'ya [Neolithic Age in the Middle Trans-Urals]. Textbook for special course of studies. Sverdlovsk, Ural State Uni. Publ., 1989, 80 p. (in Russ.)

- Kovaleva V. T.** Poselenie Sumpanya III i problema kul'turno-khronologicheskoi atributsii pamyatnikov koshkinskogo tipa v taezhnoi zone Zapadnoi Sibiri [Settlement of Sumpanya III and Cultural and Chronological Attribution of Koshkin-type Monuments in the Taiga Zone of Western Siberia]. In: Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: antiquities of the taiga Priobye]. Ekaterinburg, Sugrut, Ural Publ. House, 2008, p. 123–133. (in Russ.)
- Kovaleva V. T., Ustinova E. A., Khlobystin L. P.** Neoliticheskoe poselenie Sumpanya IV v basseine Kondy [Neolithic settlement of Sumpanya IV in the Konda basin]. In: Drevnie poseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri: sb. nauch. trudov [Ancient settlements of the Urals and Western Siberia: collection scientific works]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Publ., 1984, p. 32–44. (in Russ.)
- Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu.** K voprosu o satyginском типе керамики [On the Satygin Type of Ceramics]. In: Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: antiquities of the taiga Priobye]. Ekaterinburg, Sugrut, Ural Publ. House, 2008, p. 135–145. (in Russ.)
- Molodin V. I., Rainhold S., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A., Hansen S.** Radiocarbon dates of the Tartas-1 Neolithic complex (early Neolithic in Baraba). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 39–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56
- Panina S. N.** Arkheologicheskie issledovaniya na Ust-Vagil'skom kholme (2005–2006 gg.) [Archaeological researches on the Ust-Vagil'sky Hill (2005–2006)]. In: Voprosy arkheologii Urala [Issues of archaeology of the Urals]. Ekaterinburg, Surgut, Magellan Publ., 2008, iss. 25, p. 137–146. (in Russ.)
- Panina S. N.** Fragment sakral'nogo prostranstva epokhi eneolita u podoshvy Ust-Vagil'skogo kholma v lesnom Zaural'e [Fragment of sacral space of the Aeneolithic epoch at the foot of Ust-Vagil'sky Kholm in forested Trans-Urals]. In: Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, Otechestvo Publ., 2014, vol. 1, p. 330–333. (in Russ.)
- Stefanov V. I., Borzunov V. A.** Neoliticheskoe gorodishche Amnya I (po materialam raskopok 1993 i 2000 godov) [Neolithic Settlement Amnya I (on materials of excavations of 1993 and 2000)]. In: Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: antiquities of the taiga Ob region]. Ekaterinburg, Sugrut, Ural Publ. House, 2008, p. 93–111. (in Russ.)

List of Sources

- AIA RAS. F. R-1. Case 10432. Khlobystin L. P. Otchet o rabote Zapolyarnoi ekspeditsii v 1984 g. [Transpolar Expedition Report of 1984]. Leningrad, 1985. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
11.06.2020

Сведения об авторах

Клементьева Татьяна Юрьевна, младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия); специалист-археолог Научно-аналитического центра проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ-Наследие» (Екатеринбург, Россия)

KlementjevaT@yandex.ru

Погодин Андрей Альбертович, заместитель генерального директора по научно-исследовательской работе Научно-аналитического центра проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ-Наследие» (Екатеринбург, Россия)

pogodin1966@yandex.ru

Information about the Authors

Tatiana Yu. Klementieva, Researcher at the Institute of History and Archaeology UB RAS (Ekaterinburg, Russian Federation); Specialist-Archaeologist at the Scientific-Analytical Centre of the Preservation of Cultural and Natural Heritage Problems “AV COM-Heritage” (Ekaterinburg, Russian Federation)

KlementjevaT@yandex.ru

Andrey A. Pogodin, Deputy General Director at the Scientific-Analytical Centre of the Preservation of Cultural and Natural Heritage Problems “AV COM-Heritage” (Ekaterinburg, Russian Federation)

pogodin1966@yandex.ru